
АНАТОЛИЙ ГРЕШНЕВИКОВ

У СЕРБОВ

К 75-летию Василия Ивановича Белова

Югославскую землю покрыл белый тёплый снег. Небо словно поднялось выше над Сараевом. Мы взирали с небольшого горного выступа на чудный бесшумный город, и не верилось, что в нём затаилась война. Я собрал с небольшой ёлочки пригоршню первого снега и вложил её в ладонь Белова. Он улыбнулся впервые за те два дня, что мы провели в Югославии. Помял снег, похрустел белым комком, в его прищуренных глазах сверкнул озорной огонёк, и мне показалось, что вот сейчас он бросит этот снежок в меня! Но я ошибся. Он поднёс его к лицу, понюхал, словно от этого сербского снега пахло снегами родной Тимонихи, вытер им лицо, и снежные хлопья повисли на его аккуратно стриженной бороде, как у доброго русского Деда Мороза.

Нашу парламентскую группу сопровождал молодой русский подполковник-десантник из российского миротворческого батальона в Боснии Владимир Чумаков. Мы с Василием Ивановичем заужали его с первой минуты. И не зря. Это он, заместитель комбата по воспитательной работе, распорядился повесить в казарме нашего батальона миротворцев плакаты: “У России только два союзника – армия и флот!” и “Не в силе Бог, а в правде”. Толковый парень встретился на нашем пути!

Подполковник тщательно охранял нашу группу. И было от чего! Ведь мы забрались на бывшие позиции мусульман-моджахедов, только что отвоёванные нашими русскими добровольцами в горных пригородах Сараево. Белов, как услышал эту историю, сразу же потребовал найти эти позиции и устроить ему встречу с русскими ребятами, приехавшими на помощь сербам нелегально, чтобы помочь братьям-сербам сражаться за Сербию. И вот мы здесь.

Наша группа – это депутаты Бабурин, Готов и я, два белорусских парламентария и, как записано в протокольных документах, известный русский писатель Белов.

С места, где находился вражеский дот, открывался прекрасный вид на Сараево. Можно было пересчитать окна в каждом доме. Пока наши депутаты поражались, какую выгодную позицию нашли для себя моджахеды, Василий Белов поднялся на гряду массивных камней, под которыми скрывался дот. Позиция, хорошо простреливаемая вражескими снайперами. Побледневший на моих глазах, Чумаков отчаянно замахал ему руками, призывая укрыться. Но русский писатель упорствовал и стоял на виду противника, как мишень.

Мы из нашего укрытия напрасно звали Белова спрятаться.

– Я не боюсь, – отвечал нам Белов и оставался стоять на камнях, всма-

триваясь в городские застройки. – В моём возрасте стыдно уже чего-либо бояться. Под пулями мы уже были здесь... На свободной земле я чувствую себя свободным человеком!

На обратном пути он задал подполковнику Чумакову вопрос:

– Неужели вы, русский офицер, не понимаете, что правда на стороне сербов? Они воюют за свою самостоятельность. Но не только. За нас воюют, за Россию. А вы им оружия дать не можете?!

– Мы всё понимаем, Василий Иванович, – без всякой обиды отозвался Чумаков.

– Не понимаете...

В машине подполковник пытался продолжить беседу с писателем. Он много говорил о своём миротворческом батальоне, о его миссии в Сербии, о том, с каким трудом они размещались в разрушенном здании, где прежде была школа милиции, которой командовали мусульмане, истреблявшие сербов. Как им тяжело будет выходить из Сараево в случае нарушения перемирия и продолжения войны...

Белов молчал.

О чём думал он? Что вспоминалось ему, какие картины проходили перед глазами? Ведь он уже прилетал не раз к братьям-сербам и видел разрушенные со зверской жестокостью сербские города и сёла, надолго запомнил дорожки, пропитанные кровью, от которых пахло горелым человеческим мясом. Ему понятны были беспричинные слёзы сопровождающих его грустных проводников. Душа русского писателя тоже плакала, страдала. Вместе с сербами он оставался то у одной, то у другой разорённой деревни и шептал: “Господи Иисусе Христе, помилуй сербов!”

В городе Брчко, разрушенном после обстрела, Белов увидел опрокинутую детскую коляску на дико обезображенной площади. Он долго будет вспоминать её...

В окопах у сербов Белов взял в руки пулемёт и дал несколько очередей в сторону позиций моджахедов. Понять бы его в эту минуту! Ведь для такого человека, как Василий Белов, не убившего за долгую жизнь ни одной зверушки, не то что человека, этот поступок был исключительным.

Как-то раз я спросил его: “Эту войну сербы выдержат, одолеют противника?”

Он ответил: “Сербов не сломить. Их нельзя победить. Можно только уничтожить. Всех. Но они вновь восстанут из небытия и разрухи и вновь поднимутся на борьбу!”.

Русские добровольцы

Нас ждала встреча с русскими добровольцами. Сербский генерал Милошевич обещал разыскать по окопам наших соотечественников и пригласить на разговор по душам. Но подполковника Чумакова с нами не будет. Он сказал, что ему нельзя... Мы не стали уточнять, почему.

Первое упоминание о сражающихся в Сербии русских добровольцах пришло ко мне с известием о появлении в Белграде, в церкви Святой Троицы, мемориальной доски с именами погибших русских... На ней так и написано: “Пали за сербов. 1992–1993”. Мы побывали в этой церкви с Василием Беловым. Я видел по дрожанию губ Василия Ивановича, как он ведёт пересчёт погибших русских добровольцев. Насчитал десять фамилий. Все молодые. У каждого остались в России родители, друзья.

– Они отстаивали честь России, – прошептал Белов. – Все десять – мученики за Россию. Погибли за Сербию, а спасли честь России.

Слова его были понятны. Очевидно было предательство союзной нам Сербии правительством Ельцина, заглядывающим в рот Америке.

– Помнишь, Анатолий, героя романа Льва Толстого “Анна Каренина”, блестящего гвардейского офицера Алексея Вронского?

– Помню.

– Прообразом его стал русский полковник Николай Раевский. Легендарная личность. Доброволец. Храбро сражался с турками летом 1876 года. За храбрость сербы его свято чтут. Он погиб в бою под городом Алексинац. Вместе с ним погибли его друзья, которые также прибыли сражаться за Сербию.

– Сербы говорят, что у них есть памятник Раевскому?
– Это его сестра, графиня Мария Раевская, после его гибели воздвигла церковь на том месте.

Настоятель храма протоиерей Василий Тарасьев, величавший Белова не иначе, как глубокопочтимый, признался, что мысль увековечить память о русских парнях пришла ему в голову сразу после их героической гибели.

– Бытует несколько несправедливых мнений об этих ребятах, – спокойно говорит протоиерей Тарасьев. – Будто они приехали воевать за деньги. Это неправда. Ложь, придуманная врагами сербов. Они достойные России сыны. Россия должна ими гордиться.

Священник сделал паузу.

– В августе 1993 года наши ребята, воевавшие ещё в Македонии, привезли в церковь на хранение знамя русского добровольческого отряда. Он признался мне, что воюют за веру нашу православную, за братушек-сербов. Сербы вообще ценят русских за беззаветную храбрость и отвагу, бросают их на самые опасные участки. Посылают за линию фронта. А мусульмане и хорваты, как вы понимаете, русских в плен не берут... Многие погибли, но никто не посрамил своего русского имени. Я молюсь за них, за всех.

Мы осмотрели знамя. Это был чёрно-золото-серебряный русский штандарт, флаг ещё Российской Империи. Это знамя мы увидим и в Сараево, у добровольцев русского отряда.

– А где можно встретиться с кем-нибудь из русских ребят? – робко спросил напоследок Белов.

– Чтобы увидеть ребят, надо ехать, глубокопочтимый Василий Иванович, на передовую, в окопы. В окопах сейчас их жизнь.

Через пару дней русские ребята встретили нас на юго-восточной окраине Сараево. В этом районе базировался РДО-3, то есть русский добровольческий отряд под номером 3. Он входил в состав Новосараевского четнического отряда Сараевско-Романийской бригады. Командовал русским отрядом уволенный в запас мичман морской пехоты Александр Шкрабов по прозвищу Саша-рус. После он погибнет во время атаки под Олово. До его смерти отряд понёс и другие потери – погибли Виктор Десятков, Александр Бочкарёв, Анатолий Астапенков. Несмотря на потери, район, где сражались русские добровольцы, район, уже окружённый мусульманами с трёх сторон, держался и принадлежал сербам.

И вот мы здесь.

Группа молодых парней, одетых в камуфляжную форму, перед нами.

– Здравствуйте, ребята! – начал разговор Сергей Бабурин. – Мы привезли вам привет из России.

Бабурин здоровался со всеми, а рядом уже стоял Белов и бодро говорил: “Дайте мне хоть обнять вас, дорогие мои!” Первоначальная скованность исчезла, добровольцы заулыбались, крепко пожимали нам всем руки. Говорили: “Нам сказали: идите, будет Белов! А мы не поверили... думали, что это всё “байки”.

Действительно, они не верили своим глазам, тому, что живой классик русской литературы приедет к ним на позиции, но Белов оказался настоящим Беловым – небольшого роста со скуластым лицом и белёсой бородой.

– Скучаете по родному дому? – спросил у них Белов.

– Есть немножко.

– Бывает.

– А меня дома нет, – сказал один доброволец.

– Как нет? – удивился Белов. – Дом, он у всех есть. Ты откуда приехал?

Где твои родители? Как тебя зовут?

– Родом я из Красноярска, родителей нет, – нехотя отвечал парень, – а жену и двоих детей пришлось переправить в другое место, чтоб не преследовали... а зовут меня Юрий Шарапов, и мой дом здесь, ведь во мне уже течёт сербская кровь...

Друг Шарапова, назвавшейся Андреем, поведал, что Юрия только что привезли из госпиталя, куда он попал после боя. В бою он уничтожил шесть моджахедов, но сам был ранен тяжело, получил четыре раны, и ему сделали переливание крови.

Шарапов засмутился и отошёл в сторону. Он, видимо, не любил рассказов о своих подвигах.

Другой наш доброволец Игорь рассказал, что родом он сам из Норильска, Сербию нашёл на карте и пошёл защищать эту страну, руководствуясь только природным чувством справедливости, так присущим многим русским людям. Рассказал Игорь и о тех русских ребятах, что погибли и похоронены на сараевском кладбище.

– Я был на том кладбище, – признался Белов. – Видел русские могилы. Постоял. Помолился. Вспомнил про убитого на войне отца... Я ведь долго искал его могилу, но так и не нашёл.

Помолчав, вспоминая про погибшего отца, Белов всё-таки вернулся мыслью к сараевскому кладбищу. Две свежие могилы бередили его душу:

– Нашёл я две могилы, где похоронены муж с женой. Она – медицинская сестра, он – солдат. Им бы жить да жить... А вы, ребята, крещёные, православные? Ходите в церковь обязательно! Молитесь. Сербы сильны православием. И вы силу обретёте.

– Мы православные, – гордо заявил Игорь. – Недавно с ребятами ездили в Белград в церковь.

– Среди нас воюющих за деньги вы не найдёте, – вступил в разговор стоящий за спиной Игоря боец в чёрном берете. – Мы не наёмники. Дерёмся за братьев сербов да за веру православную. Сербы умеют жить и воевать, у них есть чему поучиться. А у нас в России что происходит?! Бардак, ворьё! Нет, лучше здесь погибнуть, защищая братьев-сербов, чем в России нынешней околевать под властью воров и предателей.

Быстро прошло время разговора. Не хотелось уезжать, оставлять здесь под пулями наших героев. Но нас ждали другие встречи. Уезжая, мы думали: останутся ли живы эти смельчаки? А что ждёт их в России после возвращения? Неужели мы не сможем помочь им?..

Вот и последние секунды перед расставанием.

К Белову подошёл взволнованный Игорь. Глаза его светились. Военная куртка нараспашку. Он снял со стриженной головы чёрный берет добровольца и протянул его писателю.

– Это на память! – сказал он.

Белов даже растерялся немного. Скомкал в руке свою шапку и лихо надел набок подаренный, пропитанный тяжёлым военным потом чёрный берет с сербским знаком-гербом. Весело посмотрел на нас, а в воздухе вился вечерний сухой снег.

Два черноберетника стукнули себя в грудь кулаками, приветствуя таким образом принятие в своё боевое братство известного русского писателя.

Василий Иванович оттопырил ворот своего свитера, снял с груди намоленную иконку и сделал шаг к Игорю:

– Можно, я подарю тебе, сынок, свою иконку, – сказал он. – Пусть она бережёт тебя от пуль.

– Спасибо, – только и сказал Игорь.

Белов борется за Сербию

Когда я, в который уже раз думаю о значимости пребывания в Сербии нашего замечательного писателя-трибуна Василия Белова, то представляю, что произошло бы с общественным мнением в мире, если бы не только он один, а вся многотысячная армия российских писателей прикоснулась бы к сербскому, славянскому нашему горю, испив его до дна, как сделал Белов. Интеллигенция мира должна была бы выйти на улицы, чтобы потребовать правды, мира и справедливости.

Только Белов сегодня один. Как один он стоял на бруствере сербской позиции под Сараево, простреливаемой пулями вражеских снайперов, так один он выступил с резкой статьёй, опубликованной в газете “Завтра”, обращённой к немецкому профессору Казаку, где были такие слова: “Взрываются бомбы, летящие на город Пале и сербские кварталы Сараево, гибнут дети, женщины, старики. Профессор, сможете ли вы убедить меня, что это не третья мировая война?.. Если Варшавский блок давно не существует, то против кого вооружаются натовские подразделения? Почему НАТО бомбит одних сербов?.. Почему Германия вновь поддерживает последователей гитлеровского приспешника Павлевича, уничтожавшего евреев и сербов? Почему молчат

лучшие люди европейской культуры и философии?.. Услышать бы, что они думают по поводу натовских бомбёжек и грохота пушек, отлитых на немецких заводах... Сейчас, когда я пишу эти строки, канцлер Коль разбирает свой чёмодан под ельцинским кровом в посёлке Завидово... Мне неизвестно, о чём они будут говорить, но я точно знаю, что Россия рано или поздно освободится от “лучших немцев”, от своих государственных предателей. Когда в России будет своё непредательское правительство, тогда Россия снабдит православных сербов радарными и ракетными “земля–воздух”. Промышленность России разрушена ещё не до конца. И тогда ваши “Торнадо” будут падать в Адриатические пучины... Разве сами немцы не чувствуют опасности? Или вы опять решили окончательно расправиться с европейским славянством?... Это не мудро, это губительно и для вас”.

Каждый день в России, в её столице шла борьба за общественное мнение, за возможность оказания давления на кремлёвских политиков. Её великие писатели, как Василий Белов.

Каждый день в Государственной Думе России шла борьба за Сербию, за отмену санкций, поставку гуманитарной помощи, признание Республики Сербской. Депутаты-патриоты, такие как Сергей Бабурин, не уставали повторять, что в Сербии попали в беду наши братья, и их национальные интересы надо активно защищать.

Бежали дни, недели, месяцы. Сербы ждали, держались на последнем издыхании.

Василий Белов в который раз возвышал свой голос, писал статью за статью – “Сербов не сломить”, “Дорогой наш друг, Радован, держитесь и не сдавайтесь”. Он вновь встал на опасный, простреливаемый теперь не пулями, а злыми политическими ветрами бруствер.

Белов публикует поразительную поэму “Братья”, которую он перевёл с сербского языка. Там есть такие строки:

*Где ангелов хор неустанно поёт
В лазури небесного края,
Серебряный месяц замедлил полёт,
Дневную звезду упрекая:
“В какой же нужде иль потребе
Два дня тебя не было в небе?”*

*Денница-Звезда говорила в ответ:
“Тому и сама я не рада,
Что встретила дважды я Божий рассвет
В пылающем небе Белграда!
Едва от стыда не сгорела дотла,
Такие в Белграде творились дела...”*

Но не сгорела от стыда ельцинская власть, не пришла на помощь сербам. Напрасными оказались попытки депутатов-патриотов провести в жизнь законопроект о прекращении участия Российской Федерации в осуществлении международных санкций против Союзной Республики Югославии. Ельцин не желает утверждать его. Дума, наконец-то преодолевая вето президента, принимает долгожданные законы “О выходе России из режима санкций против Югославии”, “О мерах России по предотвращению геноцида сербского народа в Краине”.

Но мы не успеваем. Не успеваем упреждать и противостоять американским интригам и бомбёжкам.

При активной поддержке американцев, осуществляя операцию “Буря”, ими разработанную, 240-тысячная хорватская армия сломала сопротивление 50 тысяч сербских ополченцев и вторглась в Республику Сербская Краина. Столица Краины – город Книн пал. 200 тысяч сербов покинули отчие края и превратились в беженцев. 20 тысяч сербов, оставшихся в окружении, погибли. Начинается подготовка к вторжению в Республику Сербскую в Боснии, туда, где были мы с Беловым.

Шестьдесят американских самолётов начинают массированные бомбардировки всех позиций боснийских сербов близ Сараево, в городе Пале, в районах Тузла и Горажде. Жилые дома Сараево объаты огнём. Число бомб,

сброшенных американцами на сербов, превышает число бомб, которые они сбросили на Ирак во время операции “Буря в пустыне”. Но сербы держатся и даже сбивают американские самолёты. Под напором врага сербы покидают Сараево, увозят всё, вплоть до гробов со своих кладбищ, чтобы над ними не надругались мусульмане. Я думаю, что случилось с нашими русскими ребятами-добровольцами? Как они там?

Меня застаёт врасплох звонок из Вологды. Знакомый голос вопрошает:

– Что же это делается? Ну почему нет никакой управы на этих американских бандитов?! Сколько же ещё мир будет лакействовать перед Америкой?

– Будет над ними суд Божий, – уверенно отвечаю я. – Придёт время, и они за всё ответят.

В прошлом веке за Сербию сражались тысячи и тысячи русских добровольцев. Это и Николай Раевский и генерал Черняев, солдат Василий Кочетов, профессор Боткин, писатель Успенский и хирург Склифосовский, художники Поленов и Маковский, сестра милосердия баронесса Вревская... и многие другие. В двадцатом веке в сражение за Сербию вступил писатель Василий Иванович Белов, и не он один. Придёт новый век, и дело Николая Раевского и Василия Белова продолжат новые патриоты, и не забудутся никогда, не предадутся забвению в нашей благодарной памяти могилы русских патриотов, что лежат на склоне горы над городом Сараево.